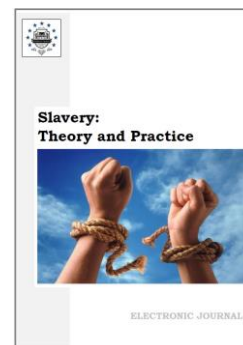

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2021. 6(1): 14-25

DOI: 10.13187/slave.2021.1.14
<https://stp.cherkasgu.press>

On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai)

Sergey L. Dudarev ^{a,*}

^a Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation

Abstract

Based on materials from the State Archives of the Krasnodar Krai on the territory of Trans-Kuban region at the very end of the 18th – first half of the 19th centuries a group of Armenian merchants stands out. It is conditionally divided by us into *Armenian slave owners* who have used the forced labor of people for many years, *Armenian slave traders*, who were engaged in the exchange and sale of captives, *merchants – manufacturers of retailers* involved in the sale of various goods. At the same time, the degree of successful participation of these people in trade operations led to their differentiation among themselves. Among them were those who themselves became prisoners, or were forced to leave the area of their trading activities in connection with the oppression of the local feudal elite or certain ethnic groups (*Armenians are refugees*). The greatest deprivation was experienced by the Armenians from neighboring regions, who did not have local support (for example, in the form of Kunak ties). However, changes in the political situation made the position of Armenian merchants unstable, if not dangerous. They made the decision to accept Russian citizenship.

The most indicative is the activity of a group of Trans-Kuban (and Nakhichevan) Armenians, who can be called “*Armenian philanthropists*”. Their activity is most typical for the 1820s-1840s. – a time of growing military tension in the North-West Caucasus, when the local population had to choose with whom they would build their future – with supporters of traditional freedom (including, raids, slave trade, blood feud, etc.), or a peaceful life under the Russian imperial order. Armenian philanthropists, like many of their fellow tribesmen, chose the second path. They nobly sought to alleviate the suffering of their new compatriots, helping to ransom those who had the hard lot of a prisoner-slave.

Keywords: armenian merchants, Circassians, Kunaks, raids, slave trade, Russian prisoners, soldiers, Cossacks.

1. Введение

Тема пленопродавства/пленовладения (в более упрощенном прочтении – рабовладения)¹ на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв., в том числе в его северо-западной части, неоднократно поднималась исследователями (из новейших выступлений, где присутствует и историография, см.: [Дударев, Дударев, 2017](#); [Dudarev, Dudarev, 2017](#); [Клычников, 2020](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

¹ Рабство, рабовладение на Северном Кавказе в названную эпоху было не классическим, а патриархальным.

Важным событием в исследовании феномена рабства в Черкесии стала фундаментальная публикация А.А. Черкасовым большого корпуса (1200 единиц) источников из ГАКК (Cherkasov, 2020: 1415-2266) (Ф. 249, 250, 254, 256, 260, 261, 263, 264, 301, 322, 318, 324, 686, 687, 717), которая представляет большой интерес в связи с тем, что содержащиеся в ней источники охватывают достаточно широкий спектр вопросов, связанных с указанной тематикой и смежных с ней. Так, видное место в данной подборке документов принадлежит тем из них, которые содержат сведения о судьбах российских солдат, казаков и членах их семей, оказавшихся в плену у горцев. Однако опубликованные документы не сводимы к этому важному вопросу (пребывание российских невольников у черкесов – один из немаловажных, хотя и весьма экстремальных, каналов узнавания россиянами мира горцев). Впрочем, и он не так «прост», как кажется. Так, например, среди российских пленников определенное место занимают такие, которых можно отнести к людям с «девиантным поведением», «одиссеи» которых требуют специального анализа. Отдельная категория пленных россиян – «Иваны, не помнящие родства», т.е. те, кто, оказавшись в плену в детстве, утратил свои корни. Еще один любопытный сюжет, связанный с восточнославянским компонентом среди невольников, – это история липован-некрасовцев.

Но если отойти в сторону от темы российских пленников, то окажется, что среди указанных документов есть мощный «черкесский пласт», т.е. истории черкесских и ногайских выходцев из Закубанья, большинство из которых стремились обрести российское подданство. Один из ведущих мотивов, связанных с «черкесской» темой, – это причины, по которым черкесы стремились дать присягу России.

Наконец, есть еще одна тема, которая представлена в корпусе источников, опубликованных А.А. Черкасовым. Это судьба армянского населения, жившего в Закубанье и занимавшего свое особое и немаловажное место в социокультурной и этнополитической панораме этой территории в конце XVIII – первой половине XIX вв. В связи с занимаемой им нишей, связанной прежде всего с посреднической торговлей между черкесами и другими горскими народами, Черноморским казачьим войском, российскими купцами и т.д., армяне выполняли роль важного медиатора, который в силу своего делового опыта, обширных контактов, знания традиций и менталитета горцев имел широкий спектр взаимодействия с разнообразными и порой очень непохожими друг на друга партнерами. В ходе этих контактов армянские купцы нередко выступали и как продавцы/покупатели, владельцы «живого товара».

Целью данной работы является установление места и роли армянских торговцев в экономическом обмене между черкесским Закубаньем и российской стороной в конце XVIII – первой половине XIX вв. Задачами – выявление тех или иных групп армянского населения, связанных с экономической спецификой своей деятельности, их этнического и территориального статуса, характера связей с горцами и россиянами, а также выяснение реальности тех или иных негативных стереотипов, сопряженных с профессиональными занятиями армянского купечества.

2. Материалы и методы

1. В упомянутой выше публикации А.А. Черкасова более 50 наименований занимают те из них, которые связаны непосредственно с темой данной статьи и являются основой для ее написания. В них изложены обстоятельства, связанные с пленением тех или иных людей, ставших объектами сделок в процессе обмена, присутствуют данные о характере и специфике обмена, указания на специфическое положение лиц армянской национальности в связи с политическими событиями в Закубанье и т.д. По источникам характеризуются группы лиц армянской национальности в связи с их местом в местном обществе, с учетом того, что они и сами могли выступать зависимыми лицами и беженцами, нуждавшимися в покровительстве со стороны российских властей. Источники, выявленные в ГАКК (Ф. 249, 250, 324, 686), указывают на то, что интересы общности горских армян в Закубанье невозможно связать исключительно с действиями меркантильного свойства, нацеленными только на торговлю людьми, но необходимо в наибольшей степени связывать с динамикой социополитической обстановки в 1820–1840-е гг.

2. Объектом исследования служат социальные и производственные отношения закубанских армян в конце XVIII – середине XIX вв. во взаимосвязях с черкесами и

россиянами. Предметом – специфика положения армянских купцов в торговле, но особенно – в деле обмена и продажи пленных (по большей части российских – солдат, казаков и членов их семей), находящихся у черкесов Закубанья в этот период.

Общенаучные принципы, применяемые при написании статьи, – историзм и объективность. С опорой на принцип историзма армянская этническая общность в Закубанье в указанный период исследуется в контексте конкретных социально-экономических, политических и ментальных реалий конца XVIII – середины XIX вв., существовавших на Северо-Западном Кавказе. Исходя из принципа научной объективности, выполняется анализ источников, используемых автором и содержащих конкретные сведения о деятельности армянских купцов по взаимодействию с российскими властями в ходе переговоров о выкупе пленных, о положении армянских беженцев, стремившихся переселиться с территории Закубанья под защиту российских властей, и т.д.

3. Методы, применяемые в данной статье: анализ источников, с помощью которого достигается максимально объективная и полная информация о предмете исследования; историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический, которые дают возможность оценить специфику положения различных групп армянского населения Закубанья, характер их деятельности и особенности статуса, место в общественном производстве и социальной структуре, подоплеку их взаимоотношений с черкесами и российской стороной, мотивированную как политической обстановкой той эпохи, так и чисто человеческими побуждениями.

3. Обсуждение

Вопрос о роли армян в экономике Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX вв. был затронут еще С.М. Броневским ([Броневский, 2004: 86, 89, 92-93](#)), который адресовал им немало критических стрел по поводу манеры их действий и нравов. Обращались к этой теме и его зарубежные современники, например немец Иоганн Лерх, писавший о том, что кизлярские армяне обзавелись для безопасности своих торговых дел кунаками в горских селениях ([Лерх, 2010: 118](#)), а также французский придворный Филипп де Сегюр, отмечавший весьма противоречивое отношение к деятельности армянских торговцев в Кабарде ([Сегюр, 2010: 224](#)). Оценки деятельности армянских торговцев, которых он, подобно Броневскому, обвинял в своекорыстии, давал в первой половине XIX в. и (что весьма важно для темы нашей статьи) специальный комитет, учрежденный для устройства Закубанского края (1830 г.) ([Журнал Комитета: 307](#)). Напротив, командир Отдельного Кавказского корпуса (ОКК) барон Г.В. Розен полагал использовать потенциал нахичеванских армян, которые имели родных и знакомых в горах, в деле налаживания торговли с горцами ([Щербина, 1913: 593](#)). Позитивно оценивал роль закубанских армян и другой командующий ОКК, ген. Е.А. Головин ([Ктиторов, 2002: 41](#)). Позднее известный кубанский дореволюционный историк Ф.А. Щербина, подчеркивая негативное отношение к операциям армянских купцов в Закубанье наказного атамана генерала Н.С. Заводовского и генерал-лейтенанта Г.Х. Засса, обвинявших их в эксплуататорской деятельности, объективно отмечал, что в рамках меновой торговли обе стороны – и горцев, и русских – эксплуатировали торговцы различной этнической принадлежности – и армяне, и русские, и даже смотрители меновых дворов ([Щербина, 2013: 595](#)). В то же время Щербина отметил такое крайне негативное явление, как участие армянских купцов в торговле людьми ([Щербина, 2013: 596](#)). С именем Ф.А. Щербины связана книга «История Армавира и черкесо-гаев» ([Щербина, 1916](#)), которая важна тем, что в ней освещаются страницы истории именно горских, черкесских армян – этнографической группы со своей значительной спецификой, которая как раз сыграла видную роль в контактах с горцами, в том числе и в интересующем нас вопросе.

В советский период в отношении указанного периода историки в обобщающих работах либо констатировали участие армянских купцов первой половины XIX в., наряду с другими (русскими, осетинскими, кумыкскими, грузинскими и кабардинскими) ([История Северо-Осетинской АССР, 1987: 219](#)), либо подчеркивали, что армянские купцы того времени держали в своих руках всю частную торговлю ([Кумыков, 1962: 39](#)). Но случалось и так, что даже в таких знаковых трудах, как двухтомная «История народов Северного Кавказа»,

армянская этническая принадлежность тех или иных купцов указанного времени фактически умалчивалась ([История народов Северного Кавказа, 1988: 76-84](#)).

В современный период историки «вернули» замалчиваемых подобным образом армянских торговцев в сферу исторической действительности, констатируя их участие, наряду с русскими, тифлисскими и другими, в меновой торговле ([Северный Кавказ в составе, 2007: 230](#)), исследуя роль армянского купечества, например в XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе ([Яхшибекян, Иноземцева, 2008: 90-92](#)), и подробно указывая на экономические причины привлечения российскими властями армянских, грузинских и других переселенцев на Северный Кавказ ([История многовековых взаимоотношений, 2009: 132](#)). Особо отметим, что начало 2000-х гг. ознаменовалось выходом монографии С.Н. Ктиторова, в которой на современном уровне исследуется история возникновения Армавира и, что особенно важно для наших целей, дан очерк истории черкесо-гаев, в котором присутствует емкая характеристика этнокультурных и социально-экономических черт этой оригинальной группы армянского народа, дающая ключ к пониманию того особого места, которое занимали горские армяне в историко-культурной и этнической панораме Северо-Западного Кавказа. В то же время автор констатировал, что во время проживания армян в горах главным объектом их торговли были пленные, которые захватывались черкесской знатью в ходе междоусобных набегов ([Ктиторов, 2002: 37-43, 72-73](#)). Об этом же писали и параллельно работающие армавирские историки, которые использовали вышеуказанные свидетельства иностранных авторов XVIII в. ([Виноградов и др., 2019: 162](#)). Примечательно, однако, то, что еще в начале 2010-х гг. появились работы пятигорских и армавирских историков-кавказоведов, важной стороной которых было то, что в них рассматривались случаи (и далеко не единичные) участия армянских дворян, мещан и купцов в выкупе горских пленников в первой половине XIX в. на безвозмездной основе. При этом крайне существенно то, что высшие российские власти в лице императора награждали людей, совершавших такие благородные поступки ([Клычников, Цыбулькинова, 2011: 129-134](#)). Сейчас возникла необходимость проанализировать и систематизировать все известные на сегодня факты участия армянских купцов в сделках с пленными, находившимися в Закубанье до его окончательного присоединения к России, и осветить положение там горских армян в целом, учитывая различные социальные роли, связанные с их статусом и местом в социополитической ситуации.

4. Результаты

Как известно, закубанские армяне в течение сотен лет жили среди черкесов. Многие черты своей культуры и быта, язык, нравы и обычаи они заимствовали у адыгов, сохраняя при этом свои этническое самосознание и принадлежность к армяно-григорианству ([Ктиторов, 2002: 38](#)). Они так же, как и сами черкесы, владели пленниками, захваченными их земляками при набегах как друг на друга, так и на территорию Черноморского войска, используя в своем хозяйстве.

Таковых можно именовать *армянами-рабовладельцами*. Так, рядовой Иван Радионов 7-й роты Нижегородского пехотного полка, захваченный в плен черкесами под Копылом, где была в тот момент главная ставка А.В. Суворова на Кубани ([История Славянска-на-Кубани, 2018](#)), после двухлетнего пребывания в рабстве в Шапси («пониже Екатеринодара») был продан в Атюкай (Гатюкай) (скорее всего, Хатукай (адыг. Хьатикъуай), ныне аул в Красногвардейском районе Республики Адыгея России, армянину, у которого работал 8 лет и затем бежал от него ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 55-55об.](#)).

То же самое было и с казаком Артемом Хоруженко Кисляковского куреня, захваченного на сельхозработах на турецкой стороне, т.е. за Кубанью, куда он был отряжен «с лодкой пехотной команды» и оказался потом близ гор в абазинской слободе у армянина ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 3-3об.](#)), откуда бежал (оба случая датируются 1795 г.). Еще более показательна судьба Акима Лошкарева, бывшего солдата Курского пехотного полка, взятого черкесами в плен под Темрюком. Его купил армянин Зеретемир, у которого Лашкарев прожил (т.е. находился в рабстве) 35 лет (!). Однако в 1811 г. хозяин освободил Акима по старости (по достижении 70 лет), и другой армянин, Давид, увез его и представил на Екатеринодарскую карантинную заставу ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 632. Л. 83-83об.](#)).

Покупка и продажа пленных россиян армянскими купцами, которые в данном случае практически выступали как работоторговцы, были делом обычным. На это указывает документ от 1811 г., согласно которому операциями с пленниками занимался мещанин города Нахичевана¹ Давид Хачиков, купивший четырех казаков Черноморского войска, но неудачно: они очень быстро убежали от него к своим (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 604. Л. 70).

Среди этой категории встречались сугубо корыстные люди, руководствовавшиеся исключительно мотивами личного обогащения. Так, согласно рапорту майора Цыха от 27 июня 1816 г. подполковнику С.М. Дубоносу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 19), закубанский армянин, некто Максим, привел на Екатеринодарскую карантинную заставу двух казачьих детей – Федора Чмелева и Евдокима Безкровного, ранее захваченных черкесами, которых Максим, нужно понимать, купил или выменял у похитителей. За детей он хотел 1600 пудов соли – объем, совершенно нереальный по условиям того времени. Застава обратилась к вышестоящему начальству с вопросом, что предпринять – купить за требуемую сумму или просто отпустить пленников, т.е. фактически отобрать их у владельца. Другой пример стремления к личному обогащению (а возможно, и не только) отражается в «Выписке из журнала по Прочноокопскому карантину. Примерно 7 августа 1832 г. №484» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 30. Л. 44об.-45). В ней речь идет о том, что армянин Качетыр (Хачатур) Давыдов представил на заставу вывезенного из плена сына однодворца Конокова 15-летнего Максима, за которого хочет не только 300 рублей, но и «бонус» в виде находящейся у отца юноши черкешенки Самат (15 лет), приобретенной Коноковым-старшим у казака Карачунова за 800 руб. Карантинная застава, оплатив 300 рублей их соискателю, отказала ему в получении девушки, которая в порядке компромисса была возвращена Карачунову.

Еще один прецедент, указывающий на то, что армянские купцы вели торговые сделки по россиянам, попавшим в плен, содержится в документе «О производстве дознания о выкупленной девицы Дроздовой. 14 июня 1834 г.» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 851. Л. 1-10б., 5). Черкесы разграбили хутор коллежского асессора Худобашева, захватив в плен девушку, Пелагею Дроздову. Она была выменяна у них армянином Аванесом Хачатуровым через своего брата, торгующего за Кубанью, за товар. Хачатуров получил от Худобашева за девушку 1774 руб. Однако, судя по документу, девушка так и не была сразу же возвращена Худобашеву, по ходатайству которого (?)следователь Ливенцов вместе с заседателем Ставропольского земского суда Минотворцевым вынуждены были обратиться в войсковую канцелярию Черноморского войска с просьбой получить у Хачатурова показания под присягой о выкупе им Дроздовой за указанную сумму и т.д. Случай указывает не только на ведение Хачатуровым операций по продаже людей, но и, по-видимому, и на нечестность при их осуществлении.

Были и такие армянские «деловые люди», которые вели операции, связанные с пленными, основанные на прямом обмене одних пленников на других, с получением за это процентов.

Об этом говорят неопубликованные документы из ГАКК, изученные недавно международной группой исследователей (Rajović et al., 2017) и относящиеся к 1803–1804 гг. Среди 19 откупщиков, которые на тот момент занимались обменом (а фактически продажей) пленных, 10 были черкесами, 8 армянами и 1 – русским. Причем на долю армян приходилось 92 пленных, что, по подсчетам указанных ученых, составляет более 61 % от общего числа невольников. Данные авторы фактически приходят к выводу, что обмен пленных как особое занятие не был перспективным для черкесов: они занимались этим делом только для выручки из плена своих родственников. Напротив, закубанские армяне проявляли тяготение к данному роду занятий (Rajović et al., 2017: 1272).

Подобные прецеденты имеются и в изученных нами обнародованных документах из ГАКК. Так, «Выписка из журнала Екатеринодарского частного карантин. 19 сентября 1824 г.» гласит о том, что закубанскому армянину Авганову за доставленных им к Екатеринодарскому меновому двору (этот факт сам по себе весьма показателен!) двух солдат Таманского гарнизонного полка Корнея Сребрянюка и Аникия Школьникова будут переданы на обмен черкесский мальчик Пшекуй Годжемарук и закубанский армянин Газиш

¹ Город Нахичеван был основан на правом берегу р. Дон армянами, переселёнными по указу Екатерины II в 1779 г. из Крыма. В 1838 г. переименован в Нахичевань-на-Дону.

Дануко (имя и фамилия его указывают на принадлежность к горским армянам, т.е. к черкесо-гаям) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 84-85).

Армянские купцы из Закубанья не занимались исключительно торговлей пленными либо обменом таковых. Соответственно, «Выписка из журнала Екатеринодарского частного карантин. 9 июля 1824 г.» гласит о том, что в Екатеринодарскую карантинную контору для очищения поступили армяне с пушными товарами (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 59 об.-61). Ничего необычного в этом нет. Дело в том, что Черкесия давно поставляла на внешние рынки большое количество шкур пушных зверей, о чем, например, говорится в известном трактате Шарля де Пейссоннеля (в год до 50 тыс. шкур куницы, 5 тыс. шкур каменной куницы, 100 тыс. лисьих шкур, 100 тыс. шкур волка и т.д.) (Пейссоннель, 2010: 133). Армянские купцы, таким образом, участвовали и в меховой торговле, которая была особенностью этой части северокавказского «фронта».

Впрочем, те из армян, кто подолгу жил за Кубанью, не всегда имели здесь успешный «бизнес». В «Ведомости о состоянии карантин при Екатеринодарской заставе. 6 июля 1816 г.» указывается о возвращении из Закубанья двоих армянских торговцев, которые прожили там 15 лет, и «ныне, – как сообщает майор Цых, – возвращаются, имения при них, кроме одеяния и 38 тулуков каштанов орехов ничего более не имеется» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 711. Л. 48об.).

Иногда черкесо-гаи, по-видимому, принимали участие в черкесских набегах (?) или каких-то иных недружественных россиянам акциях, что вело к их попаданию в плен к российской стороне (например, Бабук Капланов, взятый в плен 4.09.1823, к которому из Закубанья, где он жил, перебралась поближе его семья – жена и двое дочерей) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 44).

Нелегко порой приходилось представителям армяно-грегорианского духовенства (архиереям, архимандритам и др.), которые, ведя свою миссию среди черкесо-гаев (остававшихся верными своей вере, в том числе и благодаря такой подвижнической деятельности пастырей), оказывались в плену у черкесов (натухайцев). Их паства выкупала у похитителей своих священников (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 373. 290б.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 373. 290б.; ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 373. 290б.).

Однако самыми превратными были судьбы армян из соседних регионов, которые обстоятельствами были заброшены в Закубанье. В «Рапорте майору М.С. Гулику. 15 мая 1798 г.» речь идет о нахичеванских армянах, оказавшихся в плену в «Закубанской стороне» (перечисляются «Аспадух Калмыков и Мирдирас Тумов с будущими при них Киркдиви Саркисом, Бабуком, Барсуком и Понасовым»). При них оказался и товар – «овчин заячьих 7600, бараньих 1350, лисиц 210, куниц 55, кошечьих шкурок 220, колес деревянных 300, рогов 150». По-видимому, будучи задержанными в Закубанье, нахичеванцы сумели договориться с теми, в чьих руках они оказались, и даже сохранили бывший при них товар (весь или, скорее всего, частично) (ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 379. Л. 15-150б.). Особенно неблагоприятной была участь тех армян, которые в российских документах обозначены как «турецкоподданные». Они переселялись из-за Кубани, порой бросив там все имущество («домашнюю рухлядь»), желая принять российское подданство как гарантию дальнейшего благополучного существования с последующим переселением в Крым, Нахичеван (армянин Соумаф, живший у абазин, с семьей из 6 душ) (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 692. Л. 205; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 692. Л. 207-208); или Екатеринодар (семья из четырех человек – вдова Шерен, дочь и двое сыновей, переселяющиеся к старшему сыну в столицу кубанского казачества, где тот «проживает седельцем в армянских лавках» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 60).

И уж совсем незавидной была судьба таких представителей этого народа, как крымский армянин Мартин Арикелов (по-видимому, Аракелов), 89 лет от роду, 64 года назад захваченный ногайцами и проданный черкесам, который, судя по «Рапорту майору М.С. Гулику. 15 мая 1798 г.», «показал себя по старости уволенным от черкес» (ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 379. Л. 15-150б.).

Но время шло, и если в начале XIX в. ситуация, описываемая в «Рапорте военному губернатору Розенбергу. 9 апреля 1804 г.», где сообщается о желании трех семей черкесо-гаев (Хачадура Темирова, вдовы Ширин и Тича Баронова) быть в подданстве России и переселиться из Закубанья в селение Гривеное (известный Гривенский аул, в котором были поселены черкесы, принявшие российскую присягу), была, судя по анализируемым документам из ГАКК, еще достаточно редкой (при условии, что эти семьи были далеко не бедными и владели ясырями (изначально – рабами-пленными) из черкесов, от 6 до 3 человек) (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1.

Д. 491. Л. 8-80б.), то к 30–40 годам положение еще больше изменилось в худшую сторону. Дело в том, что с усилением хода исламизации адыгов и дальнейшей эскалации военных событий на Северо-Западном Кавказе тучи над черкесо-гаями начинают сгущаться. Как верно отмечает С.Н. Ктиторов, турецкие эмиссары и проповедники, которых в Закубанье становилось все больше, занимались разжиганием ненависти ко всем христианам, и, разумеется, черкесо-гаям, которые все больше переселялись под покровительство России. Были и другие причины, о которых пишет этот ученый: угроза утраты веры и идентичности, желание сохранить дворянские привилегии (первопоселенцы аула Армавир причисляли себя к узденям 1-й степени), расширить перепродажу продукции русской фабричной промышленности, запрет российских властей на работорговлю (с 1804 г.) и ослабление в силу этого, связей с османами, рост духовных связей с соплеменниками из городов Северного Кавказа и Нижнего Дона и др. (Ктиторов, 2002: 38-40).

Подтверждением этих слов является ряд описываемых в документах эпизодов с участием черкесо-гаев, принадлежащих к зажиточным слоям общества, но начинающим терять свой статус из-за роста враждебного давления со стороны закубанских черкесов. Наиболее характерными и красноречивыми являются ситуации с закубанским армянином Асвадуром Саркисовым (бежал из Закубанья от притеснений князя Умчухова вместе со своей семьей, состоящей из 9 членов и такого же количества подвластных черкесских крестьян) (Отношение в Черноморскую войсковую канцелярию от генерал-майора Завадовского. 31 мая 1837 г.) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 46-47) и закубанским армянином Яковом Долговым, который с тремя родными братьями, притесняемый шапсугами, тайно перешел из немирного аула Антхор в аул, где владельцем был прапорщик Пшекуй Ахеджаков, придерживающийся пророссийской ориентации и куда Долгов просил перевести еще одного его брата, который жил, как сказано в документе, в армянском ауле близ крепости Прочноокопской, т.е. будущем Армавире (Отношение в Черноморскую войсковую канцелярию от генерал-лейтенанта Завадовского. 30 марта 1842 г.) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 97-98).

Примечательно, что Саркисов со всем семейством был «зачислен» в черкесский Гривенский аул (с учетом, надо полагать, его происхождения, близкого окружения и социокультурного опыта), а Долгов и его родные были направлены в армянский поселок Пашковский, куда был направлен и их брат Карп, так и не ставший «армавирцем». Соответственно, в Гривенский аул были также отправлены следующие закубанские армяне, вышедшие из Закубанья и принявшие российское подданство: Богдасар Киркоров с семьей и 12-летним мальчиком-крестьянином Гжимафом из адыгов (возраст ребёнка и отсутствие родителей или каких-то других взрослых родственников заставляют подозревать, что мальчик был куплен Киркоровым, т.е. был рабом) (1840) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1314. Л. 65, 72-720б.); Мартин Долгов, с женой и тремя дочерьми (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 159-1590б.). В поселок Пашковский были отосланы бежавшие из гор Багдасар Гарадинов с матерью, братом и двумя сестрами (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 154-1540б.) и Хачик Каракашев с женой и шестью детьми (1842) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1064. Л. 154-1540б.). Впрочем, прибывших из Закубанья армян могли поселить еще и на Каракубанском острове, где находился владельческий аул прапорщика Магмета Аббата (Аббата), что планировалось сделать властями с бежавшим от немирных шапсугов Урусом Айвизовым (Айвазовым) с семьей из «шести душ» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1421. Л. 6) (1836), целью которого было, как выяснилось, вовсе не российское подданство, а обретение покровительства именно Магмета Аббата. При этом У. Айвизов заявил, что если Аббат уйдет за Кубань, то он переселится с ним туда же (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1421. Л. 8-80б.). Иными словами, Айвизовым двигал мотив личной связи, что присуще для обществ с феодальным укладом.

И, наконец, остановимся еще на одной, весьма показательной группе закубанских армян, которую можно именовать «армяне-благотворители». Входящие в нее торговые люди обращают на себя внимание тем, что выкупали за Кубанью представителей различных национальностей для предоставления им свободы. К ним относятся, возможно, родственники Бабасин и Каспор (Каспар?) Тволовы (Твеловы?), вывезшие из Закубанья жительницу станицы Солдатской А. Царапину, М. Михайлова из ст. Каменнобродской, калмычку Улумжи Габуна, мальчика Армака, жившего на впадающей в Азовское море р. Челбасах (Челбас) (от тюр. Челб-су – ковш воды, мелководная река) (1827–1833 гг.)

(ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 170б.-18; ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 260б.; ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 73а. Л. 510б.-52). Впрочем, один из документов, связанных с деятельностью Тволовых, указывает на то, что она включала в себя и элементы обмена пленными. Так, в «Выписке из журнала Екатеринодарского частного карантин. 19 сентября 1827 г.» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 460б.) указано, что «азиатская девочка Азли Гсан 6-ти лет за Кубань армянину Бабасину Тволову передана», т.е. кто-то из людей, выкупленных Б. Тволовым, мог быть обменян на девочку Азли (Асли).

Принимали участие в благородных акциях по освобождению пленников Аслан Нагаев, выкупивший М. Чаплыгина, сына казака ст. Ладовской (Ладожской?) (1833) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 73а. Л. 830б.-84), ставропольский купец 3-й гильдии Макар Попов, вывезший Н. Волосатова, аптекарского ученика из Навагинского пехотного полка (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 10б.), Карабат Валов, Каспар и Борин Кумшаевы, доставившие на Прочноокопский карантин группу жителей ст. Григориполисской, сс. Кутуцкого и Марьянского, в том числе женщин с грудными детьми (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 11), Барон Сонцов, выкупивший целую группу пленных казаков и казачек, казачьих детей из станиц Убеженской, Прочноокопской, Барсуковской, Баталпашинской, Дмитриевской, а также армянских и русских поселенцев из Маджар и Шотландской колонии (т.е. Карраса) (1834) (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 340б. ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 41. Л. 44-440б.), Баркс Кусанов, выкупивший казачку станицы Сенгилеевской М. Федерищеву (1843) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 641. Л. 10б.-60б.).

Армянские торговые люди оказывали помощь и самым «социально незащищенным» представителям восточного славянства, оказавшимся за Кубанью. К сожалению, для истории не сохранилось имя того армянина, который вывез из плена на левобережье этой реки двух русских бродяг – неких 50-летних В. Алексева и Петра, оказавшихся, согласно «Выписке из журнала Прочноокопского карантин. 27 июня 1827 г.», в этом учреждении для стандартной процедуры «очищения» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 16. Л. 560б.).

Указанные выше годы освобождения армянами-благотворителями пленников из Закубанья (1827–1843) показательны сами по себе. Это был период, когда Кавказская война набирала свою силу и положение черкесо-гаев становилось все более сложным. В то же время, как отмечал В.В. Дегоев, в различных слоях населения Черкесии продолжает сохраняться прорусская ориентация, становятся глубже разногласия между сторонниками войны и мира (Дегоев, 2009: 127). В сложившихся условиях все чаще необходимо была выбирать ту сторону, с которой следовало связать свое будущее, тем более что проблема сохранения идентичности (см. выше) становилась все более острой. Полагаем, что рост указанных благотворительных акций армянских купцов находился в прямой зависимости от происходивших политических событий. Торговые армянские люди в Закубанье все больше осознавали свое христианское «я», которое испытывало большой вызов со стороны ислама (деятельность набивов Шамиля, особенно Мухаммеда Эмина), все глубже понимали необходимость и перспективность единения с Россией, (несмотря на различия между православием и грегорианством) и всемерно стремились поддержать ту силу, которая в сложившихся условиях была гарантией выживания закубанского армянства. Как показывают более ранние исследования наших коллег, и ряд других, кроме названных выше, представителей армянского, в т.ч. закубанского, купечества, но не только его (среди благотворителей были и мещане, и дворяне Нахичевана), занимались вызволением невольников и возвращением им свободы (Клычников, Цыбулькина, 2011: 129-134): Егор Черкесов, Карп Черчанов, Яким Красильников, Иван Шаганов, Карабет Чекмаков, Капрел Хачадуров и др. Купцам 3-й гильдии – Керопу Черчопову, Емельяну Хозезову, Владимиру Чехмакову, Акиму Красильникову, Ованесу и Егору Миасеровым, мещанину Егору Черчесову и др. – император Николай I пожаловал золотые и серебряные медали с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте, причем ряду названных лиц медали были вручены лично Государем. Эти люди были лучшими представителями северокавказского (в т.ч. закубанского) армянства, которые своей гуманной деятельностью продемонстрировали тот факт, что невозможно огульно обвинять тот или иной народ в своекорыстии, среди него есть люди как меркантильные, так и движимые благородными побуждениями.

5. Заключение

Подводя итоги данного исследования, отметим, что в имеющихся в нашем распоряжении материалах из Государственного архива Краснодарского края выделяется группа армянского купечества, жившая и действовавшая на территории Закубанья в самом конце XVIII – первой половине XIX вв. (конкретно в 1795–1843 гг.). Она условно разделена нами на *армян-рабовладельцев*, использовавших на протяжении многих лет подневольный труд тех или иных людей, имевших статус пленника (ясыря), *армян-работорговцев*, которые были мотивированы исключительно целью личного обогащения (при этом рабовладельцы и работорговцы могли в зависимости от обстоятельств менять эти роли или, соответственно, дополнять их), *армян-купцов, производителей розничной торговли*, занимавшихся реализацией различных товаров, в том числе занимавшихся их натуральным обменом. При этом степень успешности участия этих людей в торговых операциях, как и благоприятные или неблагоприятные отношения с черкесским окружением Закубанья, могли быть различной, что, соответственно, вело к дифференциации лиц армянской этнической принадлежности между собой. Среди них были и те, кто сам стал пленником либо вынужден был покинуть район своей торговой деятельности в связи с притеснениями местной феодальной верхушки или определенных этнических групп (*армяне-беженцы*). Наибольшую депривацию испытывали армяне из соседних регионов, не имевшие на месте поддержки (например, в виде куначеских связей, характерных для горской среды). Однако перемены в политической обстановке делали неустойчивым, а то и опасным и положение тех армянских торговых людей, которые, казалось бы, имели наиболее обеспеченное и привилегированное положение, располагая ясырями и зависимыми крестьянами. Они решали принять российское подданство и бежать под защиту российских властей.

Мы выделяем также весьма показательную группу закубанских (и нахичеванских) армян, которую можно именовать «*армяне-благотворители*». Их деятельность наиболее характерна для 1820–1840-х гг. Это было время, когда в связи с нарастанием военной напряженности на Северо-Западном Кавказе тем или иным группам местного населения нужно было выбирать, с кем они будут строить свое будущее – с теми, кто, борясь за традиционную свободу (связанную с междоусобными стычками, набегами, работорговлей, кровной мстью и т.п.), прибегает к помощи османов и британцев, или теми, кто выбирает мирную жизнь при российском имперском порядке, со всеми его особенностями (бюрократия, полицейщина и т.п.).

Очевидно, что армяне-благотворители выбрали второй путь и гуманно стремились облегчить страдания своих новых соотечественников, испытывавших превратности военного времени, помогая выкупать на волю тех, кому выпала тяжелая доля пленника-раба.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Броневский, 2004 – Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах. Т. 1 и 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 64 с.

Виноградов и др., 2019 – Виноградов Б.В., Дударев С.Л., Приймак Ю.В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. 210 с.

Дегоев, 2009 – Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864. Политика, война, дипломатия. Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Журнал комитета, 2005 – Журнал Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края, 23 марта 1830 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисцина, Б.П. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 300–316.

История Северо-Осетинской АССР, 1987 – История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, т. 1, 1987. 529 с.

История Славянска-на-Кубани, 2018 – История Славянска-на-Кубани (крепости Копылы). 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/chigomanu/topic/68403052492136> (дата обращения: 12.10.21).

История многовековых взаимоотношений, 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Институт истории, археологии и этнографии. Махачкала. 2009.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова. А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.

Кумыков, 1962 – Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. 200 с.

Ктиторов, 2002 – Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1939–1918). Армавир, 2002. 384 с.

Лерх, 2010 – Лерх И. Выписки из дневника путешествия в 1733–1735 гг. // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 118–119.

Пейссоннель, 2010 – Пейссоннель Ш. Трактат о торговле на Черном море // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 222–227.

Северный Кавказ в составе, 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

Сегюр, 2010 – Сегюр Филипп де. Воспоминания // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 222–227.

Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринодар, 1913. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. 880 с.

Щербина, 1916 – Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-горцев / Сост. чл.-кор. Акад. наук Ф.А. Щербина. Екатеринодар: Электро-тип. т-во «Печатник», 1916. [6], 192 с., 16 л. ил.; 25.

Яхшибекян, Иноземцева, 2008 – Яхшибекян Д.Д., Иноземцева Е.И. Армянское купечество в контексте торгово-экономических отношений Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С.90–92.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).

Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev S.L., Dudarev D.S. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18–30.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4–18.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4): 1261–1274.

References

Bronevskij, 2004 – Bronevskij, S.M. (2004). Novejshie Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: V 2 tomah: t.1 i 2 [The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 464 p. [in Russian]

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue).

Degoev, 2009 – Degoev V.V. (2009). Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864. Politika, vojna, diplomatiya [Caucasus and Great Powers 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Izdatel'skij dom «Rubezhi XXI», 2009. 560 p. [In Russian].

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].

Istoriya mnogovekovyh vzaimootnoshenij, 2009 – *Istoriya mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edineniya narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiyu okonchatel'nogo vhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii. Institut istorii, arheologii i etnografii* [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia]. Mahachkala. 2009. 752 p. [in Russian]

Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR, 1987 – *Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Ordzhonikidze: Ir, t.1, 1987. 529 p. [in Russian]

Istoriya Slavyanska-na-Kubani, 2018 – *Istoriya Slavyanska-na-Kubani, 2018 (kreposti Kopyly)*. 2018 [History of Slavyansk-na_Kubani (Kopyly fortress)]. [Electronic resource]. URL: <https://ok.ru/chigomany/topic/68403052492136> (date of access: 12.10.21). [in Russian]

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Cybul'nikova, A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) ["So the laws are crowding out wild liberty...": the struggle of the Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod red. i s predisl. V.B. Vinogradova. Pyatigorsk: RIA KMV, 256 p. [in Russian]

Ktitorov, 2002 – *Ktitorov, S.N.* (2002). Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1939–1918) [History of Armavir (pre-Soviet period: 1939-1918)]. Armavir, 384 p. [in Russian]

Kumykov, 1962 – *Kumykov, T.H.* (1962). Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vsrossijskij rynek [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. *Nal'chik*, 200 p. [in Russian]

Lerh, 2010 – *Lerh, I.* (2010). Vypiski iz dnevnika puteshestviya v 1733–1735 gg. [Extracts from the travel diary in 1733–1735]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp. III.* pp. 118-119. [in Russian]

Pejssonnel', 2010 – *Pejssonnel', Sh.* (2010). Traktat o torgovle na Chernom more. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov [Treatise on Trade in the Black Sea]. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp. III.* Pp. 222-227. [in Russian]

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4): 1261-1274.

Segyur, 2010 – *Segyur Filipp de.* (2010). Vospominaniya [Memories]. Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. Sost. V. Atalikov. *Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh. Vyp. III.* pp.222-227. [in Russian]

Severnyj Kavkaz v sostave, 2007 – *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii* [North Caucasus as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska [[History of the Kuban Cossack Host]. V 2-h t. Ekaterinodar, 1913. T.II. Vol. II. Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders]. 880 p. [in Russian]

Shcherbina, 1916 – *Shcherbina, F.A.* (1916). Istoriya Armavira i cherkeso-gorcev [History of Armavir and Circassian Mountaineers]. Sost. chl.-kor. Akad. nauk F.A. Shcherbina. Ekaterinodar: elektro-tip. t-vo "Pechatnik", 192 p. [in Russian]

Vinogradov i dr., 2019 – *Vinogradov, B.V., Dudarev, S.L., Prijmak, Yu.V.* (2019). Ocherki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII – 1783 g.

[Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of the XVII – 1783]. Armavir: Dizajn-studiya B, 210 p. [in Russian]

Yahshibekyan, Inozemceva, 2008 – Yahshibekyan, D.D., Inozemceva, E.I. (2008). Armyanskoe kupechestvo v kontekste torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij Dagestana s Rossiej i narodami Severo-Vostochnogo Kavkaza v XVIII v. [Armenian merchants in the context of trade and economic relations between Dagestan and Russia and the peoples of the North-East Caucasus in the 18th century]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 4: 90-92. [in Russian]

Zhurnal komiteta, 2005 – Zhurnal Komiteta, uchrezhdenного dlya ustrojstva Zakubanskogo kraja, 23 marta 1830 g. [Journal of the Committee established for the organization of the Zakuban region, March 23, 1830]. Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachala XX vv. Sost. Ya.A. Gordin, V.V. Lapin, G.G. Liscina, B.P. Milovidov. SPb: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. pp. 300-316. [in Russian]

О месте и статусе армянских торговцев в черкесском Закубанье и их роли в российско-горских отношениях в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по документам Государственного архива Краснодарского края)

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В имеющихся в нашем распоряжении материалах из Государственного архива Краснодарского края выделяется группа армянского купечества, жившая и действовавшая на территории Закубанья в самом конце XVIII – первой половине XIX вв. (конкретно в 1795–1843 гг.). Она условно разделена нами на *армян-рабовладельцев*, использовавших на протяжении многих лет подневольный труд тех или иных людей, имевших статус пленника (ясыря), *армян-работорговцев*, которые были мотивированы исключительно целью личного обогащения, *армян-купцов – производителей розничной торговли*, занимавшихся реализацией различных товаров, в том числе занимавшихся их натуральным обменом. При этом степень успешности участия этих людей в торговых операциях вела к дифференциации представителей армянской этнической принадлежности между собой. Среди них были и те, кто сам стал пленником либо вынужден был покинуть район своей торговой деятельности в связи с притеснениями местной феодальной верхушки или определенных этнических групп (*армяне-беженцы*). Наибольшую депривацию испытывали армяне из соседних регионов, не имевшие на месте поддержки (например, в виде куначеских связей, характерных для горской среды). Однако перемены в политической обстановке делали неустойчивым, а то и опасным и положение армянских торговых людей, даже тех, которые, казалось бы, имели наиболее обеспеченное и привилегированное положение (черкесо-гаи). Они решили принять российское подданство.

Наиболее показательна деятельность группы закубанских (и нахичеванских) армян, которых можно именовать «*армянами-благотворителями*». Их деятельность наиболее характерна для 1820–1840-х гг. – времени нарастания военной напряженности на Северо-Западном Кавказе, когда местному населению нужно было выбирать, с кем они будут строить свое будущее – сторонниками традиционной свободы (в т.ч. набегов, работорговли, кровной мести и т.п.) или мирной жизни при российском имперском порядке, со всеми его особенностями (бюрократия, полицейщина и т.п.). Армяне-благотворители, как и многие другие их единоплеменники, выбрали второй путь. Они благородно стремились облегчить страдания своих новых соотечественников, помогая выкупать на волю тех, кому выпала тяжелая доля пленника-раба.

Ключевые слова: армянские купцы, черкесы, кунаки, набеги, работорговля, российские пленники, солдаты, казаки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)